

Командир отделения Гао Цзяньго и Хань Жуй вместе вошли в самый большой универмаг неподалеку от их части.

— Хань Жуй, тебе нужно что-нибудь купить? — спросил Гао Цзяньго, оглядывая витрины.

Хань Жуй качнул головой. Он выбрался в город просто чтобы развлекаться, и никаких особых покупок не планировал.

— Тогда за мной хвостиком ходить будешь? — обернулся к нему командир.

Хань Жуй усмехнулся:

— Вы же девушке подарок выбирать собрались. Что мне там делать, под ногами путаться?

На лице Гао Цзяньго отразилось одобрение — мол, соображаешь, малый.

— Ладно, тогда гуляй сам по себе. Через полчаса встречаемся у входа.

— Договорились, — кивнул Хань Жуй и свернул в соседний проход.

Торговый центр оказался крошечным и по меркам Хань Жуя даже убогим, но для этого уездного городка он оставался лучшим местом. Триста второй полк — подразделение полевое, дислоцированное в глуши, так что даже до этой глушинки приходилось добираться на попутке минут пятнадцать. На всё про всё им дали два часа увольнительной. Полчаса съела дорога туда-обратно, так что на покупки и звонки близким времени оставалось в обрез.

Впрочем, это для Гао Цзяньго время поджимало. Хань Жую же двух часов увольнительной хватало с лихвой. Ни семьи, ни забот, все вещи первой необходимости при нем. Он вышел в город лишь ради того, чтобы вдохнуть воздух мирной жизни и напомнить себе, что мир не ограничивается защитным армейским сукном.

Раньше Хань Жуй всегда выбирался в город с Шэн Синьюанем. Ехать теперь с Гао Цзяньго было непривычно. В былые времена о билетах на автобус и всяких дорожных мелочах он даже не задумывался: Синьюань умудрялся улаживать всё на свете, пока Жуй просто стоял в сторонке, сунув руки в карманы. С командиром отделения такой фокус не проходил. Приходилось во всё вникать, первым бежать к кассе, перехватывать счета... К концу поездки Хань Жуй знатно вымотался.

Конечно, можно было не усердствовать так откровенно. Но окажись рядом этот прожженный деляга Синьюань, он бы точно прочитал лекцию о том, как важно проявлять уважение к начальству и не упускать возможности. При одной мысли о Шэн Синьюане — вечном перфекционисте, умеющем найти подход к любому человеку, — у Хань Жуя разболелась голова.

Мимо сновали толпы покупателей, среди которых было полно влюбленных парочек. Хань Жуй провожал их отрешенным взглядом. Вдруг его обожгла запоздалая мысль: если бы Шэн Синъюань переоделся в гражданское и пришел сюда со своей девушкой, он ведь тоже улыбался бы так же тепло и счастливо? Вот только тогда рядом с ним больше не осталось бы места для Хань Жуя.

Они ведь названные братья. Он обязан радоваться за него. Но в груди поднималась глухая, необъяснимая злость на эту женщину, Фан Сюэцзяо. Ему хотелось, чтобы Синъюань, как и прежде, крутился только вокруг него. Чтобы, когда тот счастливо улыбался, эти улыбки предназначались ему одному. Для простой дружбы эта жажда единоличного обладания была слишком эгоистичной, даже пугающей. Хань Жуй корил себя, стыдил, но глухая тоска внутри не унималась.

Да, Синъюань порой бывал излишне практичным и скользким, но в душе оставался на редкость порядочным человеком. Хорошим парнем. И раз у него появилась девушка, нужно искренне за него порадоваться.

Хань Жуй откинулся на спинку скамейки.

"Надо за него порадоваться..." — прошептал он едва слышно.

— Извините, не уступите место? — раздался тихий голос.

Рядом стояла молодая девушка, бережно придерживая под руку бледную старушку.

Хань Жуй вскинул голову и, заметив, как тяжело пожилой женщине стоять, тут же поднялся:

— Да-да, конечно. Присаживайтесь.

— Спасибо большое! — улыбнулась девушка, помогая бабушке сесть.

Смущенно потерев переносицу, Хань Жуй отошел в сторону.

Ассортимент в местном универмаге не выдерживал никакого сравнения с блеском магазинов в городе А. Хань Жуй бесцельно слонялся между рядами. Впереди, у витрины с ювелирными украшениями, замер Гао Цзяньго, сосредоточенно разглядывая золотые колечки. Посчитав, что мешать командиру в столь деликатном деле не стоит, Хань Жуй тихонько свернул в сторону.

День выдался душным. Спасаясь от жары, Хань Жуй за полчаса осушил две бутылки минералки, и расплата не заставила себя ждать.

Ему срочно понадобилось в уборную.

В пятиэтажном здании туалет располагался на самом верху. У эскалаторов скопилась плотная толпа. Не желая толкаться, Хань Жуй отыскал пожарную лестницу и решил подняться пешком.

— Да что тебе вообще от меня нужно?! — донесся раздраженный голос, когда он поднимался к третьему этажу.

Хань Жуй нахмурился, но шага не замедлил.

— Да катись ты к черту! Ищи кого хочешь, а я умываю руки! — Сверху закричали громче.

— Клянусь, мне никто, кроме тебя, не нужен! Чтоб меня машина насмерть сбила, если вру! — глухо проревел в ответ другой мужской голос.

— Да пошел ты! На свидание вслепую вырядился, а теперь в верности клянешься?! — не уступал первый.

Хань Жуй застыл на ступеньках. Голоса определенно принадлежали двум взрослым парням. Он сбавил ход и осторожно двинулся вверх.

— Чего тебе еще надо? Сердце из груди вырвать и показать?!

— Ах ты, сука... М-мм... Мх...

Миновав лестничный пролет, Хань Жуй оцепенел.

Прямо на площадке сцепились двое парней. Тот, что покрупнее, прижал худощавого противника к стене, но они не дрались — они самозабвенно, дико целовались, сплетаясь языками так яростно, что забыли обо всем на свете.

Почувствовав чужое присутствие, парочка нехотя оторвалась друг от друга. Оба тяжело дышали, губы влажно поблескивали. Они уставились на застывшего в дверях солдата.

— Пялишься на что?! Людей влюбленных не видел?! — рявкнул тот, что покрупнее.

Хань Жуй молча хлопал глазами, пытаясь переварить увиденное.

— Вали отсюда! Думаешь, если напялил форму, я перед тобой прыгать буду?! — не унимался парень.

— Мне... просто в туалет надо, — выдавил Хань Жуй, чувствуя, что от шока нужда куда-то испарилась.

— Закрыт тут проход! Выйди на четвертом и поднимись на лифте! — парень крепче прижал к себе порывавшегося сбежать любовника и раздраженно бросил: — Разуи глаза, внизу же объявление висит!

— А... хорошо, — послушно кивнул Хань Жуй и на негнущихся ногах пошел обратно.

Теперь стало понятно, почему на широкой лестнице не было ни души — она попросту была перекрыта.

Но все-таки... обжиматься у всех на виду — это же перебор? И вообще... разве мужчины могут вот так... любить друг друга?

Мысли путались, голова раскалывалась. Сам того не замечая, он дошел до отдела женского белья, где его за рукав бесцеремонно поймал запыхавшийся Гао Цзяньго.

— Хань Жуй! Ты что творишь?!

Хань Жуй очнулся как от толчка. Оказалось, он стоял посреди рядов с кружевным бельем, а пара покупательниц косились на него с явным ужасом. Опустив взгляд, он обомлел: его пальцы замерли прямо на чашечке какого-то вызывающе красного бюстгальтера!

— Я... я...

Он отдернул руку, словно обжегся о раскаленную плиту.

— Бежим! — Гао Цзяньго схватил его в охапку и потащил к выходу.

Они остановились только на улице, тяжело переводя дух.

— Ты совсем с ума сошел?! — напустился на него командир отделения.

— Ничего я не сошел... Просто увидел кое-что на лестнице, вот и завис, — сгорая от стыда, пробормотал Хань Жуй.

— И что там такого, от чего у тебя крышу снесло? — полюбопытствовал Гао Цзяньго.

Вспомнив сплетенные тела и мокрые поцелуи в темном углу, Хань Жуй густо покраснел и неопределенно промычал что-то невнятное.

— Ладно, не хочешь — не говори. Но больше чтоб никаких глупостей! — строго осадил его Гао Цзяньго. — Ты солдат или кто? Какого черта тебя понесло бабьи тряпки лапать?!

— Командир, — взмолился Хань Жуй, — я клянусь, я вообще не соображал, где стою и что трогаю!

Гао Цзяньго долго всматривался в его лицо, оценивая степень искренности, и наконец смягчился:

— Проехали. Об этом — ни слова.

Но, отвернувшись, тихонько буркнул под нос:

— Шут гороховый. Я сам к таким штукам прикоснуться стесняюсь, а этот паршивец уже лапы тянет.

Хань Жуй лишь виновато улыбнулся и полез вслед за командиром в подошедший автобус.

Уже на сиденье до него наконец дошло, зачем он изначально шел на верхний этаж. Стоило напряжению спасть, как мочевого пузыря заявил о себе с новой, утроенной силой. Хань Жуй стиснул колени, ерзая на месте.

— Опять двадцать пять? — недовольно покосился Гао Цзяньго. — Что с тобой?

— В туалет хочу. Мочи нет.

Историю с женским бельем Хань Жую удалось замять ценой блока хороших сигарет — именно столько стоило молчание командира отделения.

Но вот сцена на лестнице пустила в его душе глубокие корни.

«Людей влюбленных не видел?» — крутилось в голове. Честно говоря, нормальных отношений он толком и не видел, не говоря уже о любви между мужчинами.

Это воспоминание превратилось в его тайну. Секрет, которым нельзя поделиться ни с одной живой душой.

В детстве он рос в неведении о раздорах между родителями, и те годы казались почти счастливыми. Но подростком он застал крах семьи. Ежедневные попытки утешить плачущую

мать забирали все его душевные силы. Глядя на этот кошмар, он навсегда потерял веру в любовь.

Время, когда другие парни впервые влюблялись, для него окрасилось в серые тона. А когда буря улеглась, пришла пора призыва. В родном доме для него места больше не нашлось. Жизнь казалась чередой неудач, и, возможно, именно поэтому счастливая, беззаботная улыбка Шэн Синъюаня влекла его с такой непреодолимой силой.

— О чем задумался? — В перерыве между тренировками к нему подошел Шэн Синъюань.

— Да так, ни о чем, — буркнул он.

Он ни за что не признался бы, что перед глазами до сих пор стоит картина страстно целующихся парней. И уж тем более не решился бы сказать, какие странные мысли бродят у него в голове в последнее время.

"Если двум мужчинам можно встречаться..."

Хань Жуй украдкой посмотрел на Синъюаня. Чем дольше он вглядывался в его черты, тем отчетливее понимал: этот парень чертовски красив. До дрожи в груди.

"До дрожи? Господи, да что со мной?!"

Он попытался отвести взгляд, но наткнулся на теплые, полные искренней заботы глаза друга. Как этот человек умудряется всегда быть таким понимающим? Зачем так неистово о нем заботится? Если бы Синъюань не лез со своим вечным покровительством, Хань Жуй никогда бы не докатился до подобных мыслей.

"Нет, бред. Как можно испытывать такое к названному брату? У него ведь есть невеста!"

И все же... его губы казались Хань Жую созданными для поцелуев. Он крепко сжал челюсти, буравя друга тяжелым, лихорадочным взглядом.

— Что с тобой? — не понимая причин такой перемены, Синъюань ласково потрепал его по макушке.

Хань Жуй резко дернул головой, уклоняясь от прикосновения. Солнце сегодня палило нещадно — должно быть, его просто напекло.

— Вы с командиром отделения точно нормально в город съездили? — подозрительно прищурился Синъюань. — Ты сам не свой последние дни.

— Всё нормально! — Хань Жуй отсел на полметра дальше. Смотреть в лицо друга становилось невыносимо.

— Да что стряслось-то? Мне ты уже рассказать не можешь? — настаивал Синъюань.

Хань Жуй стиснул зубы. Уж лучше пусть эти грязные фантазии сгниют вместе с ним в сырой земле. Молча поднявшись, он отряхнул штаны и поспешил к кучке солдат, среди которых травили анекдоты Гао Цзяньго и Лао Ню.

Синъюань остался сидеть в одиночестве, провожая его озадаченным взглядом.

— Командир, вы когда с Хань Жуем в город ездили, там ничего не случилось? — Шэн Синъюань решил зайти с козырей. Терпеть дальше он не мог: Хань Жуй шарахался от него как от чумного, на тренировках держался поближе к Гао Цзяньго или Лао Ню, оставляя Синъюаня не у дел. Это детское упрямство злило и ранило. Единственным выходом было вытрясти правду из непосредственного свидетеля.

— В городе-то? В тот день? — Воспоминание было настолько ярким, что Гао Цзяньго тут же расплылся в довольной ухмылке.

Синъюань сразу понял: угадал. Хань Жуй замкнулся именно после той поездки.

— Так что там произошло?

— А тебе зачем знать? — хитро прищурился Гао Цзяньго.

— Он от меня бежит как черт от ладана! Имею я право знать, какая муха его укусила? — взмолился Синъюань.

— Ну-у... — протянул командир. Картина того, как Хань Жуй нежно поглаживает кружевной лифчик, до сих пор вызвала у него легкую зависть. — Я вообще-то обещал держать язык за зубами.

— Командир! — Синъюань мгновенно выудил из кармана две пачки отличных сигарет и с заискивающей улыбкой всучил их Гао Цзяньго. — Скажите по секрету. Клянусь, могила! Ни одна душа не узнает.

Командир отделения покосился на взятку и усмехнулся:

— Подлизываешься?

— Ну командир, не томите, душа же горит!

После долгих уговоров и заверений в вечной дружбе Гао Цзяньго наконец раскололся.

— Чего?! — Шэн Синъюань вылупился на него в полном шоке. — Хань Жуй... лапал женское белье в магазине?!

— Ну да, — самодовольно кивнул Гао Цзяньго. — Только смотри у меня, я это только тебе рассказал.

Мир Шэн Синъюаня затрепал по швам. Чтобы Хань Жуй — холодный, неприступный Хань Жуй — настолько изнывал от нехватки женского внимания? Или под этой ледяной маской скрывался ураган неистраченной страсти? Но заигрывать с манекенами в женском отделе — это же за гранью добра и зла!

Оставив вконец онемевшего Синъюаня переваривать новость, Гао Цзяньго, насвистывая, пошагал по своим делам.

Синъюань так и остался стоять посреди плаца, пытаясь собрать осколки здравого смысла.

Напряжение между ними крепло с каждым днем, приобретая странный, едва ли не интимный оттенок.

Хань Жуй изнывал от стыда за собственные крамольные мысли. Синъюань же, будучи уверенным, что у его названного брата просто разыгрались гормоны, деликатно молчал, не желая лезть парню в душу.

А последней каплей для Хань Жуя стал сон. Ночью ему приснилось, будто они с Синъюанем целуются — безумно, захлеб, совсем как те парни на лестнице. Проснувшись в холодном поту, он с головой зарылся в одеяло, сгорая со стыда.

Синъюань хотел позвать его прогуляться до курилки, но, застав друга сжавшимся под одеялом в тугой комок, не выдержал. Злость горячей волной ударила в голову.

"Да какого черта он творит?! Сначала устраивает цирк в женском отделе — спасибо командиру, что вовремя оттащил, а то уехал бы в полицию за домогательства! А теперь прячется!"

Чем яростнее Хань Жуй избегал общения, тем сильнее закипал Синъюань. Ну ладно, случилась глупость, с кем не бывает по молодости. Но почему этот упрямец спокойно травит байки с Лао Нью и Чжу Юном, а с ним, самым близким человеком, даже словом перемолвиться боится?

Их негласное противостояние затянулось. Они то и дело сталкивались взглядами, в которых читалась целая буря невысказанных слов, но сделать первый шаг никто не решался.

— Эй, Шэн, вы чего опять с Хань Жуем не поделили? — ухмыльнулся проходящий мимо Лао Нью, прикуривая сигарету.

Синъюань, ожесточенно надраивавший кеды у умывальника, проигнорировал вопрос.

— Ишь ты, дуются друг на друга, а обувь его всё равно чистишь, — прищурился Лао Нью и подмигнул: — Может, и мои берцы шуранёшь заодно? По-братски?

— Обойдешься! — отрезал Синъюань, даже не подняв головы.

— Тьфу на тебя, злыдень, — фыркнул старый солдат и поспешил убратся подобру-поздорову.

Оставшись один, Синъюань отложил щетку и тяжело вздохнул. Под монотонное журчание воды из крана слышались шаги.

Хань Жуй вошел в умывальник с пластиковым тазом в руках. Увидев друга, он замер на пороге. На лице отразилось явное замешательство.

— А... ты занят... — пробормотал он, намереваясь дать задний ход.

Синъюань молча буравил его тяжелым взглядом.

Хань Жуй окончательно струсил и круто развернулся к выходу.

— А ну стоять! — приказал Синъюань. Обида и злость наконец прорвали плотину. С какой стати они, делившие всё до последней крошки, теперь ведут себя как чужие?

Хань Жуй так и застыл с занесенной для шага ногой.

— Сделаешь еще хоть шаг — и можешь забыть, что мы когда-то были братьями! — негромко, но до предела отчетливо произнес Синъюань.

— Я...

Потерять Синъюаня было выше его сил. Хань Жуй медленно опустил ногу и покорно сделал шаг назад, возвращаясь в умывальник.

— Почему ты от меня бегаешь? — без обиняков спросил Синъюань.

— Я не бегаяю.

— Повтори-ка еще раз!

— Ну... — Хань Жуй, прекрасно понимая свою вину, виновато опустил голову, готовый к любой головомойке.

— Говори давай!

— А что говорить? — Хань Жуй упорно разглядывал кафель на полу, лишь бы не пересекаться с другим взглядом.

— Ты мертвого из могилы поднимешь своим упрямством! — Синъюань обреченно вздохнул. С самого первого дня их знакомства этот парень умудрялся выжимать из него все соки своими капризами. Видимо, в прошлой жизни Синъюань сильно нагрешил, раз теперь вынужден так нянчиться с ним. — Ну? Выкладывай, почему ты меня избегаешь?

Синъюань говорил быстро, на эмоциях, и Хань Жуй невольно засмотрелся на его губы. Влажные, подвижные, невероятно четко очерченные... Он снова провалился в тот самый сон, теряя связь с реальностью.

— Эй! Хватит витать в облаках! Отвечай! — Синъюань бесцеремонно схватил его за плечи, лишая последней возможности уклониться.

— Ты...

— Что «я»? — Синъюань требовательно изогнул бровь.

Хань Жуй словно под гипнозом поднял на него затуманенный взор и тихо спросил:

— Ты когда-нибудь... целовался?

<http://bllate.org/book/18240/1765407>